

УДК 82.091

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-100-106

«ПАВЕЛ ЧЖАН И ПРОЧИЕ РЕЧНЫЕ ТВАРИ» ВЕРЫ БОГДАНОВОЙ: ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФУТУРОЛОГИИ

© Илья Ничипоров

“PAVEL ZHANG AND OTHER RIVER CREATURES” BY VERA BOGDANOVA: THE EXPERIENCE OF FICTIONAL FUTUROLOGY

Ilya Nichiporov

The article addresses the latest literary material – the novel “Pavel Zhang and Other River Creatures” by V. Bogdanova (2021) and studies its problems, the system of characters and the peculiarities of the style. We focus on the concept of fictional time, depicting the future destinies of Russia in the middle of the current century in the space of Eurasian civilization. The article analyzes the mythopoetic imagery of the work, which combines the elements of Chinese mythology with the neo-myths born of modernity and the individual imagination of the characters. We thoroughly study the artistic understanding of the origins and forms of manifestation of the characters’ personal and social traumas, which go back to ancestral memory, childhood impressions, experiences of intimate and family life, and are aggravated by the growing alienation of the individual from historical time. The author of the novel sees public life in a bizarre combination of rapid technological progress, the devaluation of the individual, the degradation of civil institutions and the strengthening of the neo-imperial state apparatus, which has achieved unlimited electronic control over people, including their physical condition. The novel searches for a new “hero of time” who is able not only to reflect on the pressure of the digital age, feeling like a victim, but also, at the cost of personal well-being, to offer ethics of resistance to its destructive impact.

Keywords: modern novel, artistic futurology, trauma, mythopoetics, hero of time, digital era, ethics of resistance

Статья обращена к новейшему литературному материалу – роману В. Богдановой «Павел Чжан и прочие речные твари» (2021). Рассмотрены проблематика, система персонажей, особенности стиля произведения. Главное внимание уделено концепции художественного времени, ориентированного на изображение будущих судеб России середины текущего столетия в пространстве евроазиатской цивилизации. Проанализирована мифопоэтическая образность произведения, соединяющая элементы китайской мифологии с рожденными современностью и индивидуальным воображением персонажей неомифами. Подробно рассмотрено художественное осмысление истоков и форм проявления переживаемых персонажами личных и социальных травм, которые восходят к родовой памяти, детским впечатлениям, опыту интимной, семейной жизни и усугубляются растущим отчуждением индивида от исторического времени. Общественная жизнь увидена автором романа в причудливом сочетании стремительных технологических прорывов с обесцениванием личности, деградацией гражданских институций и усилением неоимперского государственного аппарата, добившегося неограниченного электронного контроля в том числе за физическим состоянием людей. В романе осуществляется поиск нового «героя времени», способного не только рефлексировать о давлении цифровой эпохи и ощущать себя ее жертвой, но и ценой личного благополучия предложить этику сопротивления ее разрушительному воздействию.

Ключевые слова: современный роман, художественная futuroлогия, травма, мифопоэтика, герой времени, цифровая эпоха, этика сопротивления

Роман Веры Олеговны Богдановой (род. в 1986) «Павел Чжан и прочие речные твари» (2021) стал заметным литературным событием, попал в финал премии «Нацбест», в длинные списки «Большой книги» и «Ясной поляны». Занимаясь художественным моделированием отно-

сительно недалекого будущего поры 2049 года, автор обращается к древним пластам китайской мифологии и накладывает на них рожденные современностью неомифы. Как отмечали рецензенты, при некоторой «декоративности» будущего, в котором действуют «придуманные, сконструи-

рованные» [1] персонажи, этот текст «вышел и фантастическим, и социальным, и приключенческим» [2], здесь «мастерски прорисован фэнтезийный фон» [3], а «антиутопия оборачивается психологическим романом о тайнах и травмах прошлого, об одиночестве и социальных страхах» [4].

Путешествие в новые времена предваряется мифопоэтическим прологом, вводящим сквозную для романа «речевую символику воды» [5] и повествующим о бедном рыбаке с берега Янцзы, который вступает в неравное противоборство с духом утопленника – мирового зла. Эта сила существует в надысторическом измерении, ищет нескончаемых жертв, ради чего жаждет вселиться в «новое тело» [6]¹ и посягает на самостоятельное бытие рыбака и его семьи.

Ось магистрального сюжета составляют перипетии судьбы молодого программиста Павла Чжана – «разбирающегося в IT героя-изгоя» [7], который захвачен бурлением московской офисной среды и конкурирует со своим сослуживцем по компании «Диюй» (слово, означающее преисподнюю в китайской мифологии) за вождельную перспективу работы в главном офисе Пекина. Рельефно выведенный образ технократической цивилизации складывается из мелькающих медиафасадов, множества взглядов, направленных «в камеру на турникете», из оптических эффектов специальных очков, перекрывающих естественное изображение «зеленой сеткой допреальности» и навязывающих жителю Москвы миражное созерцание того, как «на фоновом слайд-шоу покачивался Пекин». В офисном небоскребе «мраморное чрево туалета» напоминало «гробницу с акустикой Большого театра», а ведущие интеллектуальные ресурсы были нацелены на серийное производство чипов нового поколения с бесконечно расширяющимися функциями оповещения, отслеживания, «контроля за состоянием носителя» и, разумеется, снижения «риска возникновения эпидемий».

В новых условиях общественная жизнь редуцирована в романе до квазиполитических ритуалов, являющих нерушимое единение китайского председателя Лина и российского президента Енисеева. Тем не менее в публичный дискурс исподволь прорываются анонимные несанкционированные голоса, предупреждающие о губительной «сетевой зависимости», высвечиваются плакаты «Скажи нет слежке», «Мы не собаки и не скот. Остано-

вите чипизацию», а на периферии информационного потока маячат новости о суде над членами подпольной группы «Контрас», которые «понури сидели на скамье за решеткой в зале суда, осунувшиеся и бледные, всем около двадцати, не больше».

Стремление угнаться за головокружительными ритмами современности вызывают в главном герое – «трудоголике без страха и упрека» [2] – ощущение, «будто у него не тело, а пружина», внушают иллюзию легкого совершения прыжка «до самой стратосферы». Но бессознательные импульсы увлекают Павла в сферу смутных припоминаний прошлого «предсуществования» в «подводном» мире, ему порой казалось, что голос шефа «словно доносился из-под речной воды» и над ним «не солнце, а речная рябь». Вырываясь из удущья офиса, асфальта, нависающих высоток, московских пробок (не побежденных и в эпоху суперкомпьютеров), он дорожит личностным восприятием пространства и времени, понимает, что «чем дальше от Москвы, тем медленней шло время, замерло в кризисных двадцатых, как муха в янтаре».

За эффективным, выдержанным в стиле фэнтезийного живописания изображением высокотехнологичной реальности и социальной гиперактивности персонажей в романе разворачивается анамнез их неизжитых травм, комплексов, отягощающих современное сознание страхов. В душевно соразмерном Павлу «окраинном» ландшафте коммуналки (подарок государства при выпуске из детдома), где он мог предаваться «холостяцкому эстетству», проступает болезненно-смутный, но и манящий его мир детства, которое «было на дне, утоплено в сизой воде, и даже синеватый свет от лампы пробивался сквозь водяную толщу». С затаенным страданием воскрешая в памяти «свой детдом» и царивший там «закон сиротских джунглей», он возит нынешним детдомовцам пакеты с вещами и подарками, чтобы, словно обратив вспять течение времени, стать для них «тем, кого сам хотел бы встретить в детстве».

Востребованная сегодняшней литературой тема детско-юношеских психологических травм [8], [9] раскрывается в кровотокающих воспоминаниях героя о том, как детдомовская воспитательница Борисовна «низводила всех до мелких швалей», занималась «торговлей детьми», что повлекло за собой длинную череду трагических историй, а сам Павел при ее прямом участии регулярно становился жертвой извращенного насилия со стороны внешне уважаемого дельца и примерного семьяни-

¹ Текст романа В. Богдановой здесь и далее приводится по указанному изданию.

на Краснова. Практика систематического унижения и насилия оказалась для него не только сгустком болевых переживаний – она, подобно монстру-утопленнику из Янцзы и зловредному чипу, внедрилась в глубины его подсознания. Презрительное детдомовское прозвище материализуется в *«воспаленное клеймо»* и предстает в виде мифопоэтического существа, уверенно обосновавшегося в нем самом и вытесняющего его подлинное «я»:

«Шваль внутри Павла разрослась, надела его тело, как костюм, и вкрадчиво шептала <...>. Это Шваль первой пустила в ход зубы и кулаки, не Павел. Это Шваль избивала одноклассника, а после еще пару пацанов. Не он. Павел был умным парнем, он бы не стал так подставляться».

Перед насильником Красновым бывший защитный детдомовец *«чувствовал себя живым бессловесным товаром»*, в его голове *«сидел и множился вирус Краснова»*, и даже последующее социальное возвышение, отслеживание обидчика и мстительная расправа над ним не упразднили темной, возвращенной детдомом грани его личности. Шваль *«осталась в нем»*, не утонула в пруду вместе с брошенным туда Красновым, а разрослась до *«суперэго главного героя»* [10], выступила его проворной соучастницей в убийстве:

«Шваль помогла ему немного, трамбовала ногой, радостно вздрагивая, когда получался острый хруст... Шваль покурила, обдумывая, как привязать гири. Решила примотать одну к шее, вторую к ногам. Затянула хорошенько узлы, чтобы не развязались точно, а после ушла, оставив Павлу труп, кучу окурков, которые следовало собрать, вкус крови на языке и пустоту. И ничего особо не изменилось, просто стало тихо. Мыслей не было. Павел словно выполз из темной и мерзлой норы».

Художественное исследование «социальных фобий и ментальных мифологем» [10] сопряжено в романе Богдановой с прозрением фатального отчуждения частных судеб персонажей от исторического времени. Последнее утрачивает здесь процессуальный характер, принимает облик окаменевших эклектичных изваяний вроде сталинок с неоновой рекламой, гранитных, с суровыми лицами «вождей» Лина и Енисеева *«на фоне пряничных куполов Кремля»* или вовсе растворяется в каскаде слоганов и псевдоновостей: в Кремле то *«менялась власть каждые полгода»*, то назойливо *«жужжали»* про *«внешних западных врагов»* и *«необходимую цензуру в интернете»*.

На абсурдистском фоне в романе прочерчен надрывной пунктир

жизненных историй персонажей – с их сиротством, бездомностью, кочевьем, болезненной уязвимостью перед натиском современности, но и потенциалом сопротивления.

Трагически отрывочны, омрачены тягостными видениями воспоминания Павла о коротком счастливом детстве с отцом и матерью, проведенном в деревне близ Коломны. Его отец Чжан Шэньюань, доктор наук из Шанхайского университета, специалист по русской литературе, приехал сюда за два года до рождения Павла, работал в местной школе и не просто привил сыну вкус к чтению, научил *«говорить на обоих языках ровно, без акцента»*, но и приоткрыл ему разноликость мировой культуры, своеобразие Китая, о чем спустя годы напомним присланный бывшей отцовской ученицей *«сборник китайской философии от неизвестного автора»*.

Странное исчезновение отца, который однажды *«сел на электричку до Москвы и не вернулся»* и, как позднее узнает Павел, по политическому обвинению был экстрадирован в Китай и умер здесь в заключении в 2033 году, формирует нарратив болезненной беспочвенности в его картине мира и авторском повествовании о нем. Сгинувшая вслед за отцом и мать, от чьей легкомысленной жизни и недолговечного *«блогерского счастья»* сохранилось лишь сетевое отражение – *«ее аккаунт в давно заброшенном Инстаграмме»* – остается в памяти героя как последнее и навсегда утраченное основание детского прошлого. В детдомовских потрясениях и позднее Павел будет недоумевать, почему все-таки отец *«уехал один»*, конструировать в воображении те *«места, где он бы хотел пожить»*, мечтать о Пекине как *«земле обетованной»*, убеждать себя, что непременно *«он будет там, он попадет в Китай»*. В своих кошмарах, когда чувствовалось, как *«над головой смыкается река»*, герой видел *«карна с чело-вечьей головой»*, интуитивно предвосхищал свое будущее правдоискательство, переживал мистическую встречу с отцом, прозревал его пребывание в тюрьме, как *«в землистой тьме сидит отец в строгом костюме... в котором он однажды вышел и пропал»*.

Композиционной параллелью к исканиям главного героя служит история Игоря Лыкова – его коллеги и конкурента по компании «Диюй». За его карьерными амбициями и столичным лоском баловня судьбы, который *«словно был рожден для обожания»* и *«будто вылез из рекламы люксового бренда»*, таились, как и у

Павла, непростые воспоминания о детстве в родном Забайкальске – городе *«старых дворов с разбитым асфальтом у подъездов, осыпавшихся, чуть просевших балконов»*. Травма его личного сиротства в результате гибели родителей на пожаре предстает в широкой социальной перспективе, сквозь нее обозреваются природные и техногенные катастрофы в прошлом и настоящем, диагностируется неуклонное обесценивание людских жизней в приграничном *«Забайкальске образца безденежных двадцатых»*:

«В поселке только хоронили, что ни день, то похороны. Люди в гробах уже не походили на себя. Они напоминали набитых таксидермистом чучел, пародию на тех, кто жил, а некоторых, включая папу с мамой, вообще провожали с закрытыми крышками, и Игорю запретили их приподнимать. Каждый день он узнавал, кого еще не стало: привычных людей, шапочных знакомых вытерло из реальности, как вытирают буквы ластиком. <...> Родной город <...> незримо существовал в параллельной с Игорем вселенной, как волшебная детская страна. <...> Он изредка прорывался сполохами лесных пожаров, которые показывали в новостных роликах в сети. Огонь из Забайкальска полз в Москву, на запах Игоря, попутно выедавая в тайге дыры».

Примечательно и «географическое» пересечение Лыкова с Павлом. Именно в Коломне Лыков, стараясь не растерять остатки родовой памяти, заботится о своей бабушке, затем перевозит ее в Склиф. В этом же городе он обустроивает «Читальню» – оригинальный гибрид библиотеки, книжного магазина и кофейни. Он мыслит это пространство как прибежище для неформального человеческого общения, оставляющее возможность сохранить индивидуальный стиль, ведь, в самом деле, *«был элемент эстетства в том, чтобы сидеть за шатким столиком, с хрустом корешка разламывать томик Пришвина и вчитываться в строки на пожелтевших пористых страницах, попивая латте. Понравившуюся книгу можно было купить или же взять с возвратом по абонементу...»*. Однако автор далекой от приоритетов современности социальной инициативы оказывается бессильным перед настойчивыми предложениями влиятельных лиц города о закрытии и продаже этого бизнеса, перед последовавшим за тем арестом якобы за распространение наркотиков, перед *«быстрым и заочным»* увольнением с надежной и перспективной, как он рассчитывал, работы...

Драма Павла Чжана получает дополнительное освещение и в сюжетной линии Сони Снегиревой – администратора розничного магазина, помогавшей детдома и собиравшейся поступать в мед-

институт. В их знакомстве, со «старомодными» приглашением в кино, прогулкой по ВДНХ, доверительными беседами и спорами, ощутимо стремление персонажей сберечь атмосферу не устаревающей и в цифровую эпоху человечности. При этом установка Павла на то, что *«семью в России он заводит не собирався»*, обрекает их на травматичную «невозможность коммуникации» [4], механистическую заданность интимных отношений, сводившихся к *«недолгому, похожему на давно изученный танец сексу»*.

Жертвенная, готовая к самоотверженному общественному служению натура Сони предстает изначально придавленной неблагоприятием в родительской семье: тяжкими последствиями того, что *«папин бизнес прогорел»*, угрозами и нашествиями коллекторов, превращением доброго, но непутевого брата в *«долговязого гаденького мужика без определенных занятий и взглядов на жизнь»*. Она ужасается происходящему вокруг расчеловечению, наблюдает повсеместную сакрализацию неоимперского стиля с выработанной властными элитами квазирелигией, в согласии с ритуалами которой *«с высоты птичьего полета лидеры государств благословляют нашу землю»*, а *«крестный ход»* к памятнику князю Владимиру возглавлял *«какой-то кандидат в депутаты в рясе, расшитой золотом»*.

Восставая против господствующего миропорядка и неотвратимой чипизации, героиня размещает баннеры подпольной антиглобалистской сети, заботится о пациентах реабилитационного центра «Благие сердца», которые видятся ей жертвами современности, *«сломанными механизмами»*, поскольку теперь *«люди стали ресурсом. <...> каждый миг их жизни был разворован соцсетями»*. В условиях официально восхваляемой интеграции страны в Союз Азиатских Государств и скорого введения *«гражданских чипов»*, необходимых для бесплатного медицинского страхования, перед ее глазами проходят выброшенные на обочину жизни судьбы жертв всеобщей виртуализации – от 17-летней девушки, на свою беду прельстившейся знакомством по электронной переписке, до популярного рекламщика со сломанной психикой и даже священника в измочаленной, потерявшей всякий вид и форму рясе, который *«освящал криптовалюты и новые игры для арок, потом пропал куда-то; как оказалось, проиграл все имущество в онлайн-казино и скрывался от кредиторов на церковном чердаке»*. В апокалиптической футурологии Сони близкий к своему окончательному оформлению мир глобального тоталитаризма окажется разделенным по одну сторону на сотни подобных цен-

тров, где будут *«не люди уже – скот, с рождения пронумерованный, всегда онлайн»*, а по другую – на *«тюрьмы с теми, кто был против»*.

Примечательна, однако, попытка героини преодолеть калечащее влияние действительности, через индивидуальные религиозные усилия приблизиться к тому, чтобы *«неисправность внутри нее расправлялась»*. Не отказываясь от обрядовых проявлений веры, она в период испытаний *«ходила на каждую службу, просто так, садилась на скамью в углу и выпускала в ладанный полумрак всю тяжесть дня»*, насыщала молитву интонациями живого разговора с непосредственным адресатом:

«Богородица держала на колене упитанного Спасителя и смотрела на Соню с легкой усталостью, а из ранки на ее подбородке вытекала рубиновая капля. Спокойный лик, красивый. И почему Соня раньше этого не замечала? – И что ты посоветуешь мне? – спросила Соня. – Ты, покровительница слабых, что посоветуешь?»

Емко запечатленные в романе правдоискательские побуждения ключевых персонажей позволяют представить их в качестве героев времени, которые стремятся интеллектуально осмыслить и в меру сил превозмочь тупики цифровой диктатуры, выработать альтернативные сценарии личного и общественного развития. Подобное правдоискательство фокусируется и достигает наивысшего напряжения в итоговой сюжетной линии отъезда Павла Чжана в Китай, его гибели и таинственного бессмертия.

В поисках «обетованной земли», пропавшего отца и ради нового обретения себя Павел покидает *«милую теплую Соню»* и с Павелецкого вокзала, включив *«лекции о китайской мифологии»*, отправляется в Благовещенск, а затем на автобусе перебирается через Амур на китайскую сторону. Обнесенный колючей проволокой центр сортировки и чипизации иммигрантов под велемечивым названием «Школа адаптации и патриотического воспитания» выведен как антиутопическая модель будущего социума, пребывающего под массовым гипнозом политической индоктринации, что угнетает личную волю психофизическим воздействием. Вживание чипа рождает у Павла иллюзию того, что *«свет и краски стали ярче»*, ведет к запутыванию сознания в бесконечных *«инфослоях»*, жестко ограниченных, впрочем, *«аккаунтами разре-*

шенных соцсетей» и дозволенным сверху набором *«поисковиков»*.

Пребывание главного героя в Хэйхэ, а затем в Пекине, который *«сшиб его с ног»*, сопровождается поначалу растерянностью перед сюрреалистичным наложением эпох и стилей. Он чувствовал, как собственное сознание капитулирует перед навязанными извне картинками, которые *«не умещались в голове»*; неустанно *«в наушниках бубнили новости»*, а электронные очки *«тут же сообщили, что воздух весьма опасен для здоровья, показали цифры индекса и посоветовали надеть маску»*. Целенаправленную атаку на самостоятельное мышление он распознает в наплыве сбивающей с толку и невротизирующей рецепиента квазиинформации, в разрушающих интеллект однотипных офисных функциях, мнимых общественных ориентирах, сводящихся к повышению социального рейтинга и повальному искусственному культу *«генетически идеальных детей» – «божков»*, которые *«казались слегка ненастоящими»*.

Символически значимое усилие героя по взламыванию и «перепрошивке» искажающего картину действительности чипа продиктовано надеждой из последних сил не позволить собственному миру, *«с таким трудом склеенному из осколков, опять развалиться на части»*. В противовес грезящей стерильным цифровым будущим эпохе Павел совершает восстановление родовой истории, докапывается до истинных обстоятельств исчезновения и гибели отца, зорко вглядывается в хитросплетения современности и во внезапной смерти оппозиционного китайского писателя, *«десятках похожих смертей»* выявляет действие новейших чипов, способных «отключать» жизнедеятельность организма под влиянием внешних сигналов, видит себя и борцом с технократической системой, и ее обреченным заложником, на чьей *«шее будто замер лазерный прицел... как никогда остро он ощущал собственный чип, сидящий у него под кожей»*.

Апокалиптический образ людских масс, бесправных перед социальными экспериментами и отключениями от источников жизнеобеспечения, открывается герою в эпизоде намеренного обесточивания мегаполиса, который сразу же *«остановился весь»* и вместе с *«единым многоликим, многоногим организмом»* погрузился в *«донную тьму» – «работало лишь уличное оповещение, меланхолично просящее всех сохранять спокойствие»*. Загадочным уходом героя увенчивается пульсирующий пунктир повествования, где на сцену задержания и допроса Павла накладываются его исповедальные признания,

сиротские раздумья о канувшей в речную глубину матери, отчаянное противостояние изнутри уничтожающей его Швали, создание видеозаписи со своей историей и героический запуск во всемирную сеть вируса против свежейизобретенных чипов.

На контрасте идиллии и трагедийного звучания построен эпилог романа. Семейный союз выпавших из прежних социальных связей Игоря и Сони, их уединенная жизнь в деревне под Коломной, посвященная воспитанию Павла-младшего, домашним радостям и заботам, рисуются как, возможно, не вовсе безнадежная попытка «выжить в хаосе» наступающего со всех сторон мира. А Павел Чжан прогремел своим видеообращением, периодически появляется на неофициальных баннерах, стал легендарной фигурой, «героем разоблачительного сериала», «в новостях его клеймили террористом, в сети называли святым», в своем «темно-синем деловом костюме» он таинственно появляется у коляски маленького сына...

По сделанному в послесловии авторскому признанию, рефлексия о разнообразных гримах насилия и порожденных им травмах послужила отправной точкой для построения сюжета и идейно-художественной архитектуры данного произведения. В романе В. Богдановой искусно сложенная мозаика судеб персонажей, пространственно-временных планов соединила «органическую силу эмоционального заряда» с «выверенной красотой композиции» [11] и выдвинула в качестве предмета художественного исследования «нового героя нового времени» [10], его этику «сопротивления на всех уровнях» [3], обнаружила разнообразные истоки травматического синдрома современного человека и пути его преодоления. В футурологическом ракурсе увидены здесь как сфера индивидуальных реакций, страхов, комплексов, страстей, творческих и религиозных озарений, устремлений к подвигу, так и социальная жизнь, все дальше уходящая от идеала личной и общественной свободы, реальной конкуренции политических взглядов и на новом витке научной революции все безнадежнее впадающая в зависимость от массовых манипуляций и высокотехнологичного насилия.

Список источников

1. Сенчин Р. Вера Богданова «Павел Чжан и прочие речные твари». URL: <http://www.natsbest.ru/award/2021/review/vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari-2630/> (дата обращения: 16.05.2022).
2. Васильева Е. В. Вера Богданова. Павел Чжан и прочие речные твари. URL:

<https://magazines.gorky.media/zvezda/2021/5/vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari.html> (дата обращения: 16.05.2022).

3. Бугославская О. Вера Богданова: «Павел Чжан и прочие речные твари». URL: <https://sovlit.ru/articles/tpost/6e1j8d5eh1-vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-re> (дата обращения: 16.05.2022).

4. Пискарева Е. Мир будущего без будущего. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/02/mir-budushchego-bez-budushchego> (дата обращения: 16.05.2022).

5. Родионов И. Строгая форма воды: «Павел Чжан и прочие речные твари». URL: <https://godliteratury.ru/articles/2021/05/11/strogaia-forma-vody-pavel-chzhan-i-drugie-rechnye-tvari> (дата обращения: 16.05.2022).

6. Богданова В. О. Павел Чжан и прочие речные твари. М., Издательство АСТ, 2021. 178 с.

7. Сиротин С. Китайский ад. Вера Богданова. Павел Чжан и прочие речные твари. URL: <http://noblit.ru/node/3761> (дата обращения: 16.05.2022).

8. Ничипоров И. Б. Детство как травма в современной русской литературе (повесть Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом») // Art logos (Искусство слова). Научный журнал. СПб., 2019. № 1 (6). С. 47–51. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/185498111/> (дата обращения: 16.05.2022).

9. Ничипоров И. Б. Современность глазами подростка: повесть Р. Сенчина «Чего вы хотите?» // Stephanos. Мультиязычный научный журнал филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2022. Т. 52. № 2. С. 20–27. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/447762790/> (дата обращения: 16.05.2022).

10. Сухарников Е. Как закалялась Шваль. URL: https://www.ng.ru/lit/2021-07-07/13_1085_hero.html (дата обращения: 16.05.2022).

11. Юзефович Г. И эмоциональный, и продуманный. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/77197-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari-roman-very-bogdanovoj-o-nedalekom-buduschem-v-kotorom-rossiya-okazalas-pod-kontrolem-kitaya> (дата обращения: 16.05.2022).

References

1. Senchin, R. (2021). *Vera Bogdanova "Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari"* [Vera Bogdanova "Pavel Zhang and Other River Creatures"]. URL: <http://www.natsbest.ru/award/2021/review/vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari-2630/> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)
2. Vasil'eva, E. V. (2021). *Vera Bogdanova. Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari* [Vera Bogdanova. Pavel Zhang and Other River Creatures]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2021/5/vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari.html> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)
3. Bugoslavskaya, O. (2021). *Vera Bogdanova: "Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari"* [Vera

Bogdanova: “Pavel Zhang and Other River Creatures”]. URL: <https://sovlit.ru/articles/tpost/6e1j8d5eh1-vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-re> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

4. Piskareva, E. (2021). *Mir budushhego bez budushhego* [The World of the Future without the Future]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/02/mir-budushchego-bez-budushchego> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

5. Rodionov, I. (2021). *Strogaya forma vody: “Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari”* [The Strict Form of Water: “Pavel Zhang and Other River Creatures”]. URL: <https://godliterary.ru/articles/2021/05/11/strogaia-forma-vody-pavel-chzhan-i-drugie-rechnye-tvari> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

6. Bogdanova, V. O. (2021). *Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari* [Pavel Zhang and Other River Creatures]. 178 p. Moscow, izd. AST. (In Russian)

7. Sirotin, S. (2021). *Kitaiskii ad. Vera Bogdanova. Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari* [Chinese Hell. Vera Bogdanova. Pavel Zhang and Other River Creatures]. URL: <http://noblit.ru/node/3761> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

8. Nichiporov, I. B. (2019). *Detstvo kak travma v sovremennoi russkoi literature (povest' Pavla Sanaeva “Pohoronite menya za plintusom”)* [Childhood as a Trauma in Modern Russian Literature (Pavel Sanaev’s Novella “Bury Me behind the Baseboard”)]. *Art logos (Iskusstvo slova)*. Nauchnyi zhurnal. St. Petersburg, No. 1 (6), pp. 47–51. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/185498111/> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

9. Nichiporov, I. B. (2022). *Sovremennost' glazami podrostka: povest' R. Senchina “Chego vy hotite?”* [Modernity through the Eyes of a Teenager: R. Senchin’s Novel “What Do You Want?”]. *Stephanos*. T. 52, No. 2, pp. 20–27. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/447762790/> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

10. Suharnikov, E. (2021). *Kak zakalyalas' Shval'* [How the Trash Was Tempered]. URL: https://www.ng.ru/lit/2021-07-07/13_1085_hero.html (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

11. Yuzefovich, G. (2021). *I emotsional'nyi, i produmannyi* [Both Emotional and Thoughtful]. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/77197-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari-roman-very-bogdanovoj-odnedalekom-buduschem-v-kotorom-rossiya-okazalas-podkontrolem-kitaya> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

The article was submitted on 17.05.2022

Поступила в редакцию 17.05.2022

Ничипоров Илья Борисович,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1, стр. 51.
il-boris@yandex.ru

Nichiporov Ilya Borisovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
B. 51, 1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
il-boris@yandex.ru